

Ничто так не привлекает детского любопытства, как физическое несовершенство. Лёнька Цыгенборд производил впечатление неисправного робота с цепочкой различных непредвиденных сбоев, неизбежно предвещающих крупную поломку или даже гибель сложного и хитроумного механизма. Лёнька приходил в девочек двор каждый день и в любую погоду. Заметен он был издали, потому что его походку нельзя было спутать ни с чьей. Лёньку штормило и кидало из стороны в сторону, и для удержания призрачного равновесия он широко разбрасывал руки, пытаясь зацепиться за воздух. Голова его откидывалась немного назад и вверх, рот приоткрывался, и казалось, что Лёнька любит небо и не прочь проглотить парочку облаков. Небо, как и все мальчишки во дворе, он и в самом деле любил, но о звёздах не грезил: таких не берут в космонавты. Лёнька был как на шарнирах – движения случайные, непредсказуемые и необязательные. К его маленькому скрюченному тельцу, словно завязанному в узел, были наскоро прицеплены короткие хилые ножки, длинные сильные руки и большая голова на крепкой шее. При малейшем движении вся эта живая конструкция, зигзагообразно извиваясь от макушки до пят, ходила ходуном и была будто без костей, из гибкого, эластичного материала – смолы, каучука или гуттаперчи. И всё разъезжалось, и ничего не слушалось, и ни с чем нельзя было договориться. Лёнька был страшно красив: близорукие глаза смотрели в разные стороны; шелестящие, как крылья бабочки, пушистые, загнутые вверх ресницы, сквозь толстые стёкла очков казались ещё гуще; широкие сросшиеся брови, тонкие губы, аккуратный маленький нос, торчащие уши; белозубая, как с афиши, улыбка во весь – от уха до уха – как у Щелкунчика – рот; бледная, совсем прозрачная, кожа с проступающими жилками и чёрная шапочка стриженных «под ёжика» волос.

У кого четыре глаза,
Тот похож на водолаза...

Быть водолазом Лёнька не собирался, но приходилось. И виной тому – очки. Он терпел и молча соглашался. Лёнька был и водолазом, и пауком, и старой разбитой черепахой – всем, кем угодно, но только не очкастой каракатицей. Все знали, что это то крайнее и пожароопасное, что приводит Лёньку в ярость. Он вспыхивал, резким движением соби-

рал в кулак свои бесконечно длинные пальцы-водоросли и уничтожал обидчика острыми колючками зрачков. Противник виновато опускал глаза – и Лёнькин бой был выигран.

Из миролюбивого Лёньки вышел бы неплохой музыкант – пианист или скрипач: его плавающие пальцы, двигаясь волнообразно, творили музыку, и девочка явно слышала её звуки. Из Лёньки получился бы хороший математик: он знал наизусть таблицу умножения, быстро складывал и вычитал в уме числа в пределах ста, хотя учился только во втором классе. Лёнька мог бы стать отличным шахматистом: дядя Гриша, первый гроссмейстер двора, в майке, трико с вытянутыми коленками, шапке из газеты и в тапках на босу ногу с утра томился на лавочке у подъезда в ожидании Лёньки, чтобы сначала разложить шахматную доску и расставить фигуры, потом всю партию вздыхать, задумчиво почёсывая затылок, а после очередного – в пух и прах – досадного проигрыша плестись домой с доской под мышкой и ворчать: «Ну, Лёнька, погоди!»; нет, в шахматах Лёнька был только волком! Лёньке светила карьера конструктора или изобретателя: его инженерный ум запросто мог бы запускать космические корабли, только надо было чуть-чуть подрасти. Лёнька мог бы писать книжки: он и теперь был мифотворцем, или попросту сказочником, и разные невероятные истории сыпались из него, как из рога изобилия. Особенно чудесными были истории про самого себя. Он никак не принимал своё несовершенное тело и каждый раз рассказывал новую историю, подтверждающую его первоначальное здоровье. Лёнька говорил про аиста, который нёс его по небу в клюве маме с папой, но был так неловок, что выронил младенца по дороге; про высокий дуб, откуда ненароком рухнул Лёнька, когда прятался в лесу от голодного волка; про муху цеце, напавшую на Лёньку во время путешествия по Африке; про горбатую старуху, весь день караулившую его за углом и подсунувшую подозрительные пирожки, и про её избу с печкой, где он угорел. Лёнька рассказывал так увлекательно, что верилось поневоле. Ещё и в то, что это на людях он такой нескладный, а дома – совсем другой, самый обыкновенный – такой, как все. И это было чистой правдой. Лёнькин дух был рабом его тела. Вольный и сильный, он рвался наружу, вон из плена болезни и немощи. Лёнька мог бы стать тем, кем захочет, но он мечтал о простом двухколёсном велосипеде. Такой велосипед был у каждого мальчишки во дворе, и теперь мальчишки мечтали о космосе. А Лёнька мечтал о велосипеде, потому что велосипеда у него не было. И от мальчишек до звёзд было такое же расстояние, как от Лёньки до велосипеда. На пути к Лёнькиной мечте стояла железная клетка с открытой пастью и лязгала зубами. Этой клеткой было Лёнькино тело.

Лёнькина младшая сестра Наташка ниоткуда не падала: видно, не была любознательной или просто боялась высоты, поэтому очень отличалась от своего брата и была такой, как все. Лёнька втайне её обожал. Наташка была царицей Савской. Короля делает свита. Царицу Савскую из Наташки делал Лёнька. На царицу она совсем не тянула. В некрасивой и дупоглазой Наташке с огромным, как у Лёньки, ртом и тоненькими мышинными хвостиками, схваченными резинкой, одетой в простенькое платьице и колготки, собиравшиеся гармошкой на острых коленках, было много от лягушонка, немножко от мышонка и чуток от воробышка. И эту невзрачную Наташку боялись все задиры во дворе. Стоило только кому-нибудь сказать ей что-то обидное, корявый, кособокий, скрюченный Лёнька вдруг распрямлялся, вырастая до невообразимых размеров, и делался сильнее силача, высту-

павшего на арене цирка в номере с «летающими» гирями. За Наташку он готов был отдать жизнь. Лёнька стыдился своей любви к сестре, а Наташка стыдилась своего неуклюжего брата. Дразня или оправдываясь, она бормотала:

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке...

А Лёнька растягивал рот в счастливой улыбке и показывал крепкий забор зубов.

И стояли у ворот
Скрюченные ёлки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки...

Девочка завидовала Наташке и хотела Лёньку в братья. Ей очень нужен был брат. И не такой, как Лёнька, а именно Лёнька – и никто другой! Девочке очень было нужно, чтобы кто-то её любил так же, как Наташку, без всяких условий, просто за то, что она есть, и был готов отдать за неё жизнь.